

БОЛЬШИЕ

**И
Л**

КНИГИ

Генрик Сенкевич

ОГНЕМ
И МЕЧОМ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44
С 31

Перевод с польского Асара Эппеля
и Ксении Старосельской

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Венцеслава Черны

Руководитель проекта Александр Лютиков

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © К. Я. Старосельская (наследник), перевод, 2019
- © Б. Ф. Стахеев (наследник), послесловие,
примечания, 2019
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-16693-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Год 1647 был год особенный, ибо многообразные знамения в небесах и на земле грозили неведомыми напастями и небывальными событиями.

Тогдашние хронисты сообщают, что весной, выплотившись в невиданном множестве из Дикого Поля, саранча поела посевы и травы, а это предвещало татарские набеги. Летом случилось великое затмение солнца, а вскоре и комета запыхала в небесах. Над Варшавою являлись во облаке могила и крест огненный, по каковому случаю назначалось поститься и раздавали подаяние, ибо люди знающие пророчили, что мор паразит страну и погибнет род человеческий. Ко всему еще и зима наступила столь мягкая, какой и старики не упомянут. В южных воеводствах реки вообще не сковало льдом, и, каждодневно питаемые снегом, тающим с утра, они вышли из берегов и позаливали поймы. Часто шли дожди. Степь размокла и сделалась большою лужею, солнце же в полдни припекало так, что — диво дивное! — в воеводстве Брацлавском и на Диком Поле луга и степь зазеленели уже к середине декабря. Рои на пасаках колотились и гудели, а по дворам мычала скотина. Поскольку ход природы вовсе, казалось, повернул вспять, все на Руси, ожидая небывалых событий, обращались тревожной мыслью и взором к Дикому Полю, так как беда могла прийти, скорее всего, оттуда.

На Поле же ничего примечательного не происходило. Никаких особых побоищ или стычек, кроме привычных и всегдашних, не случалось, а об этих ведали разве что орлы, вороны, ястребы и полевой зверь.

Уж таким оно, это Поле, было. Последние признаки оседлой жизни к югу по Днепру обрывались вскоре за Чигирином, а по Днестру — сразу за Уманью; далее же — до самых до лиманов и до моря — только степь, как бы двумя реками окаймленная. В днепровской излучине, на Низовье, кипела еще за порогами казацкая жизнь, но в самом Поле никто не жил, разве что по берегам, точно острова среди моря, кое-где попадались «полянки». Земля, хоть и пустовавшая, принадлежала *de nomine*¹ Речи Посполитой, и Речь Посполитая позволяла на ней татарам пасти скот, но, коль скоро этому противились казаки, пастбища то и дело превращались в поле брани.

Сколько в тех краях битв отгремело, сколько народу полегло — не счесть, не упомнить. Орлы, ястребы и вороны — одни про то и знали, а кто в отдалении слышал плескание крыл и карканье, кто замечал птичьи водовороты, над одним кружащиеся местом, тот знал, что либо трупы, либо кости непогребенные тут лежат... На людей в травах охотились, словно на волков или сайгаков. Охотился кто хотел. Преступник в дикой степи спасался от закона, вооруженный пастырь стерег стада, рыцарь искал приключений, лихой человек — добычи. Казак — татарина, татарин — казака. Бывало, что и целые дружины стерегли скот от бесчисленных охотников до чужого. Степь, хоть и пустовавшая, вместе с тем была не пустая; тихая, но злоеющая; безмятежная, но полная опасностей; дикая Диким Полем, но еще и дикостью душ.

Порою прокатывалась по ней большая война. Тогда волнам подобно плыли татарские чамбулы, казацкие полки, польские или валашские хоругви; по ночам ржание коней вторило волчьему вою, голоса барабанов и медных труб долетали до самого Овидова озера, а то и до моря, а на Черном Шляхе, на Кучманском — тут, можно сказать, просто половодье людское. Рубеж Речи Посполитой стерегли от Каменца и до самого до Днепра заставы и «полянки», так что, если дороги грозились наводниться пришельцами, об этом узнавали по бессчетным птичьим стаям, всполошенным чамбулами и устремлявшимся на север. Но татарин — выступи он из Черного Леса или пе-

¹ Номинально (*лат.*).

рейды Днестр с валашской стороны — появлялся все-таки в южных воеводствах вместе с птицами.

Однако в зиму ту шумливые птицы не устремлялись к Речи Посполитой. В степи было даже тише обычного. К началу повествования нашего солнце уже садилось, и красноватые лучи его озаряли округу, пустынную совершенно. По северному краю Дикого Поля, по всему Омельнику до самого его устья наизорчайший взгляд не углядел бы ни живой души, ни даже малейшего движения в темном, сохлом и поникшем бурьяне. Солнце теперь только половиною круга своего виднелось над горизонтом. Небо меркло, отчего и степь помалу погружалась в сумрак. На левом берегу, на небольшой возвышенности, скорее похожей на курган, чем на холм, еще виднелись остатки каменной твердыни, поставленной некогда Теодориком Бучацким и разрушенной затем войнами. От руин этих ложились длинные тени. Внизу поблескивали воды широко разлившегося Омельника, в месте том сворачивавшего к Днепру. Но свет все более меркнул и на небе, и на земле. С высоты доносились клики журавлей, тянувших к морю, более же ни один голос безмолвия не нарушал.

Ночь легла на пустыню, а с нею пришло и время духов. По заставам не смыкавшие глаз рыцари рассказывали тогда друг другу, что ночами являются в Диком Поле призраки тех, кто погиб или умер без покаяния напрасной смертью, и кружатся вереницами, в чем не помеха им ни крест, ни храм Господень. Поэтому, когда шнуры, указывавшие полночь, начинали догорать, на заставах по этим несчастным служили заупокойную. Еще рассказывали, будто такие же тени, но всадников, скитаясь по глухим местам, заступают дорогу проезжим, стелая и моля о знаке креста святого. Бывали призраки, пугавшие людей воем. Искушенное ухо издалека могло отличить их завывания от волчьих. Еще видали целые воинства теней — эти иногда столь близко подходили к заставам, что часовые трубили *larum*¹. Такие случаи предвещали, как правило, немалую войну. Встреча с одиночной тенью тоже не сулила ничего хорошего, но не всегда следовало предполагать недоброе, ибо

¹ Тревогу, сигнал к бою (*лат.*).

перед дорожными иногда и живой человек возникал и пропадал, как тень, так что только призраком и мог быть сочтен.

А поскольку над Омельником спустилась ночь, ничего не было удивительного в том, что сразу — возле заброшенной крепости — возник не то дух, не то человек. Луна, как раз выглянувшая из-за Днепра, выбелила пустынную местность, голышки репейников и степные дали. Тотчас ниже по течению в степи появились какие-то ночные создания. Мимолетные тучки то и дело застили луну, и облики эти то белелись во тьме, то меркли. Иногда они пропадали вовсе и как бы таяли во мраке. Приближаясь к вершинке, на которой стоял упомянутый всадник, они, то и дело останавливаясь, тихо, осторожно и медленно крались.

В движении этом было что-то пугающее, впрочем, как и во всей степи, с виду такой безмятежной. Ветер порою задувал с Днепра, поднимая печальный шелест в сохлых репьях, клонившихся и трепетавших, точно с перепугу. Но вот поглощенные тенью развалин облики пропали. В бледном сиянии ночи видать было только недвижимого на взгорье всадника.

Однако шелест привлек и его внимание. Подъехав к самому крутояру, он внимательно стал вглядываться в степь. Сразу улегся ветер, шелест умолк, и сделалась тишина мертвая.

Вдруг раздался пронзительный свист. Многие голоса разом и душераздирающе завопили: «Алла! Алла! Исусе Христе! Спасай! Бей!» Загремели самопалы, красные вспышки разорвали мрак. Конский топот смешался с лязгом железа. Еще какие-то всадники возникли в степи словно из-под земли. Настоящая буря взметнулась в этой только что безмолвной и зловещей пустыне. Потом стоны человеческие стали вторить страшным воплям, и наконец все утихло. Бой закончился.

Надо полагать — в Диком Поле разыгрывалась одна из обычных сцен.

Всадники съехались на взгорье, некоторые спешили, внимательно к чему-то приглядываясь.

Из темноты послышался громкий, повелительный голос:

— Эй там! Высечь огня да запалить!

Тотчас посыпались искры, и сразу вспыхнул сухой очерет с лучиной, каковые путешествующий по Дикому Полю всегда возил с собою.

Немедля в землю был воткнут шест с каганцом, и падающий сверху свет резко и ярко осветил десятка полтора людей, склонившихся над кем-то, недвижно распростертым.

Это были воины в красной придворной форме и в волчьих шапках. Один, сидевший на добром коне, по виду командир, спрыгнув на землю, подошел к лежащему и спросил у кого-то:

— Ну что, вахмистр? Живой он или нет?

— Живой, пан наместник, хрипит вот, арканом его придушило.

— Кто таков?

— Не татарин, важный кто-то.

— Оно и слава богу.

Наместник внимательно пригляделся к лежащему человеку.

— По виду гетман, — сказал он.

— И конь у него — аргамак редкостный, какого и у хана нету, — ответил вахмистр. — Да вон его держат!

Поручик поглядел, и лицо его просветлело. Рядом двое солдат держали и вправду отменного скакуна, а тот, прижимая уши и раздувая ноздри, протягивал голову и глядел устранным глазом на лежащего хозяина.

— Уж конь-то, конечно, наш будет? — поспешил спросить вахмистр.

— А ты, подлая душа, христианина в степи без коня оставить хочешь?

— Так ведь в бою взятый...

Дальнейший разговор был прерван вовсе уж громким хрипением удушенного.

— Влить человеку горелки в глотку! — сказал наместник. — Да пояс на нем распустишь.

— Мы что, тут и заночуем?

— Тут и заночуем! Коней расседлать, костер запалить.

Солдаты живо бросились исполнять приказания. Одни стали приводить в чувство и растирать лежащего, другие отправились за очеретом, третьи разостлали для ночлега верблюжьи и медвежьи шкуры.

Наместник, не беспокоясь более о полузадушенном незнакомце, расстегнул пояс и улегся возле костра на бурку. Был он очень молод, сухощав, черноволос и весьма красив; лицо имел

худое, а нос — выдающийся, орлиный. Взор наместника пылал бешеной отвагою и задором, но выражение лица при этом не теряло степенности. Значительные усы и давно, как видно, не бритая борода вовсе делали его не по возрасту серьезным.

Тем временем двое солдат стали готовить ужин. Они пристроили на огне заготовленные бараньи четверти, из тороков вытащили несколько дроф, подстреленных днем, несколько куропаток и одного сайгака, которого солдат тут же принялся обдирать. Костер горел, отбрасывая в степь огромный красный круг. Удушенный стал потихоньку приходить в себя.

Какое-то время водил он налитыми кровью глазами по незнакомцам, затем попытался встать. Солдат, прежде разговаривавший с наместником, приподнял лежавшего, подхватив под мышки; другой сунул ему в руки обушок, на который неизвестный тяжело оперся. Лицо его с надувшимися жилами оставалось багровым. Наконец сдавленным голосом он прохрипел первое слово:

— Воды!

Ему дали горелки, которую он пил и пил, и, как видно, не без пользы, потому что, оторвавшись наконец от фляги, спросил уже более отчетливым голосом:

— У кого это я?

Наместник встал и подошел к нему:

— У тех, кто вашу милость спасением подарили.

— Значит, не вы накинули аркан?

— Наше дело, милостивый государь, сабля, не аркан. Бесчестишь добрых жолнеров подозрением. А поймали тебя какие-то лихие люди, татарами переодетые. На них, ежели любопытствуешь, можешь поглядеть; вон они, как бараны порезанные, лежат.

И наместник указал рукой на темные тела, лежавшие у подошвы взгорья.

Незнакомец на это сказал:

— Если так — позвольте же мне отдышаться.

Ему подложили войлочную кульбаку, устроившись на которой он погрузился в молчание.

Это был мужчина в расцвете лет, среднего роста, в плечах широкий, почти исполинского телосложения, с поразитель-

ными чертами лица. Голову он имел огромную, кожу дряблую, очень загорелую, глаза черные и, точно у татарина, слегка раскосые; узкий рот его обрамляли тонкие усы, по оконечьям расходившиеся широкими кистями. На мощном лице были написаны отвага и высокомерие. Тут совмещалось что-то притягательное и вместе с тем отталкивающее: гетманское достоинство, смешанное с татарской лукавостью, благожелательность и злость.

Отсидевшись несколько времени, он встал и, не поблагодарив, совершенно неожиданно отправился глядеть на убитых.

— Мужлан! — буркнул наместник.

Незнакомец между тем внимательно вглядывался в лицо каждому, качал головою, словно поняв что-то, а затем медленно направился к наместнику, шаря по бокам и машинально ища пояс, за который хотел, как видно, заложить руку.

Не понравилась молодому наместнику таковая значительность в человеке, только что вынудом из петли, поэтому он язвительно сказал:

— Можно подумать, что ты, ваша милость, знакомых ищешь среди этих воров или заупокойную по ним говоришь.

Незнакомец серьезно ответил:

— И не ошибаешься ты, сударь, и ошибаешься; не ошибаешься, потому что искал я знакомых, однако, называя их татями, ошибаешься, ибо это слуги некоего шляхтича, моего соседа.

— Не из одного, видать, колодца берете воду вы с тем соседом.

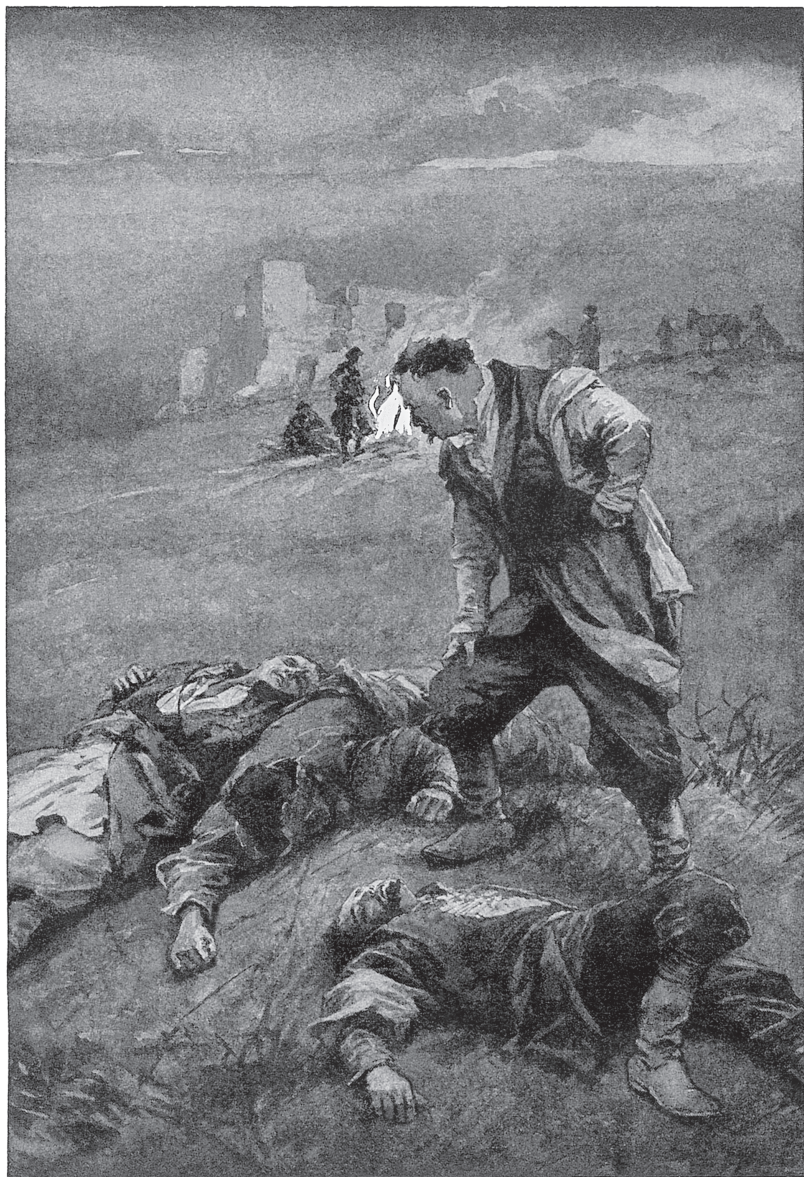
Странная какая-то усмешка скользнула по тонким губам незнакомца.

— И в этом ты, сударь, ошибаешься, — пробормотал он сквозь зубы.

Спустя же мгновение добавил погромче:

— Однако прости мне, ваша милость, что я надлежащей не выразил благодарности за *auxilium*¹ и успешное спасение, каковые меня от столь неожиданной смерти упасли. Мужество твое, ваша милость, покрыло неосмотрительность того, кто от

¹ Помощь (лат.).

*Незнакомец между тем внимательно взглядывался в лицо каждому,
качал головою, словно поняв что-то...*

людей своих отдалился; но благодарность моя самоотверженности твоей не меньше.

Молвив это, он протянул руку наместнику.

Однако самоуверенный молодой человек даже не пошевелился и своей протягивать не спешил. Зато сказал:

— Нелишне бы сперва узнать, со шляхтичем ли имею честь, ибо хоть и не сомневаюсь в этом, но анонимные благодарности полагаю неуместными.

— Вижу я в тебе, сударь, истинно рыцарские манеры, и полагаешь ты справедливо. Речи мои, да и благодарность тоже, следовало мне предварить именем своим. Что ж! Перед тобою Зиновий Абданк, герба Абданк с малым крестом, шляхтич Киевского воеводства, оседлый и полковник казацкой хоругви князя Доминика Заславского то ж.

— Ян Скшетуский, наместник панцирной хоругви светлейшего князя Иеремии Вишневецкого.

— Под славным началом, сударь, служишь. Прими же теперь благодарность мою и руку.

Наместник более не колебался. Панцирное товарищество хоть и глядело свысока на жолнеров других хоругвей, но сейчас пан Скшетуский находился в степи, в Диком Поле, где таким околичностям придавалось куда меньше значения. К тому же он имел дело с полковником, в чем тотчас же воочию убедился, потому что солдаты, возвращая Абданку пояс и саблю, мешавшие им приводить незнакомца в чувство, подали ему и короткую булаву с костяной рукояткой и яблоком из скользкого рога — обычную регалию казацких полковников. Да и платье на его милости Зиновии Абданке было богато, а умелый разговор обнаруживал живость ума и знание светского обхождения.

Так что пан Скшетуский пригласил его отужинать, поскольку от костра, дразня обоняние и аппетит, потянулся уже запах жареного. Солдат извлек мясо из огня и подал на оловянном блюде. Стали есть, а когда принесен был изрядный мех молдаванского вина, сшитый из козловой шкуры, завязалась и нескучная беседа.

— За наше скорое и благополучное возвращение! — возгласил пан Скшетуский.

— Ты, сударь, возвращаешься? Откуда же, позволь поинтересоваться? — спросил Абданк.

— Издалече. Из самого Крыма.

— Что же ты там делать изволил? Выкуп возил?

— Нет, сударь полковник. К самому хану ездил.

Абданк с любопытством насторожился:

— Однако же в приятной компании побывал! С чем же ты к хану ездил?

— С письмом светлейшего князя Иеремии.

— Так ты в послах был! О чем же его милость князь изволил писать хану?

Наместник быстро глянул на собеседника.

— Сударь полковник, — сказал он, — ты глядел в глаза татям, которые тебя заарканили, и это дело твое; но о чем князь писал хану, это дело не твое и не мое, а их обоих.

— Я было удивился, — хитро заметил Абданк, — что его милость князь столь молодого человека послом к хану отправил, но, услышав твой, сударь, ответ, более не удивляюсь, ибо хоть и молод ты годами, но опытностью и разумом зрел.

Наместник невозмутимо выслушал лестное замечание, покрутил разве что молодой ус и спросил:

— А скажи-ка мне, ваша милость, что подельываешь ты возле Омельника и откуда тут взялся, да еще один?

— А я не один, я людей на дороге оставил, и еду я в Кудак к пану Гродзицкому, командующему тамошним гарнизоном, к каковому меня его милость великий гетман послал с письмами.

— Отчего же ты не поплыл на байдаках?

— Таков был приказ, от коего отступить мне не подобает.

— Странно, и весьма, что его милость гетман так распорядился, ведь в степи-то ты и попал в столь неприятную передрягу; едучи же водою, наверняка избежал бы ее.

— Степи, сударь мой, теперь спокойные, я их знаю хорошо, а приключившееся — это злоба человеческая и *invidia*¹.

— Кому же ты так не по душе?

— Долго рассказывать. Видишь ли, сударь наместник, сидел подлый у меня; он и мое имение уничтожил, и вотчину от-

¹ Зависть (*лат.*).

тягать хочет, и сына моего побил. А теперь, как ты сам видел, и на мой живот покусился.

— Да ты, ваша милость, не при сабле развез?

Тяжелое лицо Абданка на мгновение вспыхнуло ненавистью, глаза хмуро загорелись, и он ответил медленно, неторопливо и четко:

— При сабле. И да оставит меня Господь, если отныне я лучшей управы против врагов моих искать стану.

Наместник хотел было что-то сказать, но вдруг из степи донесся конский топот, вернее, торопливое жваканье копыт по размокшей траве.

Сразу и слуга наместника, выставленный караульным, прибежал сообщить, что на подходе какие-то люди.

— Это, наверно, мои, — сказал Абданк. — Я их сразу за Тясином оставил и, никак не полагая засады, договорился ждать здесь.

Минуты не прошло — и толпа всадников окружила полукольцом взгорье. Костер вырвал из темноты головы коней, раздувавших ноздри и фыркавших от усталости, а над ними — настороженные лица седоков. Прикрывая ладонями от слепившего яркого света глаза, они быстро оглядывали всех, кто был в соседстве костра.

— Гей, люди! Кто вы? — спросил Абданк.

— Рабы божьи! — ответили голоса из темноты.

— Они! Мои молодцы! — подтвердил наместнику Абданк. — А ну-ка сюда!

Несколько всадников спешили и подошли к костру.

— А мы торопились, торопились, *батьку. Що з тобою?*¹

— В засаду попал. Хведько, иуда, знал место и поджидал тут со своими. Заранее выехал. Аркан на меня накинули!

— Спаси Бог! Спаси Бог! А что же за полячишки тут с тобою?

Говоря это, они недобро поглядывали на Скшетуского и его спутников.

— Это други честные, — сказал Абданк. — Слава богу, цел я и невредим. Сейчас дальше поедем.

¹ Курсивом выделены встречающиеся у Сенкевича украинские слова и фразы.

— Слава богу! Мы готовы.

Подъехавшие стали греть над огнем руки, так как ночь стояла хоть и ясная, но холодная. Было их человек сорок, причем всё люди рослые и хорошо вооруженные. Они совсем не походили на реестровых казаков, что весьма озадачило пана Скшетуского, особенно еще и потому, что подъехали они в столь немалом количестве. Все это показалось наместнику очень подозрительным. Если бы великий гетман послал его милость Абданка в Кудак, он бы, во-первых, придал ему конвой из реестровых, а во-вторых, зачем бы велел идти до Чигирина степью, а не водой? Ведь переправы через все реки, текущие по Дикому Полю к Днепру, могли только затянуть поездку. Похоже было, что его милость Абданк Кудак-то как раз и хотел миновать.

Да и сама особа Абданка весьма озадачивала молодого наместника. Он сразу же обратил внимание, что казаки, со своими полковниками обращавшиеся без лишних церемоний, этого окружали почтением необычайным, словно какого гетмана. Видать, был он рыцарь первейший, что тем более удивляло пана Скшетуского, ибо, зная Украину по ту и эту сторону Днепра, ни о каком таком знаменитом Абданке он не слыхал. А между тем в обличье мужа сего было явно что-то необыкновенное — некая скрытая сила, которою, точно пламя жаром, дышал весь его облик; некая железная воля, свидетельствовавшая, что человек этот ни перед чем и ни перед кем не отступит. Такою же волею исполнен был и облик князя Иеремии Вишневецкого, но то, что у князя было врожденным природы свойством, присущим высокому происхождению и положению, в муже неизвестного имени, затерявшемся в степной глуши, могло озадачить.

Пан Скшетуский основательно призадумался. То ему приходило в голову, что незнакомец, возможно, какой-то именитый изгнанник, скрывавшийся от приговора в Диком Поле; то — что перед ним вожак разбойной ватаги. Последнее, однако, было неправдоподобно. И платье, и речь этого человека свидетельствовали прямо противоположное. Поэтому наместник, оставаясь все время настороже, не знал, что и думать, а между тем Абданк уж и коня себе подать приказал.

— Сударь наместник, — сказал он, — нам пора. Позволь же еще раз поблагодарить тебя за спасение и дай мне Боже отплатить тебе таковою же услугой!

— Не знал я, кого спасал, оттого и благодарности не заслуживаю.

— Скромность это в тебе говорит, отваге твоей не уступающая. Прими же от меня сей перстень.

Наместник, смерив Абданка взглядом, поморщился и отступил на шаг, а тот, с отцовской прямо-таки торжественностью в манерах и в голосе, продолжал:

— Взгляни же. Не драгоценностью этого перстня, но другими его достоинствами дарю я тебя. Будучи молодых лет и в басурманской неволе, получил я его от богомольца, который из Святой земли возвращался. В камушке оном заключен прах Гроба Господня. От подарка такого отказываться не годится, хоть бы даже он из ославленных рук воспоследовал. Ты, сударь, человек молодой и солдат, а коль скоро и старость, могиле близкая, не ведает, что с нею перед кончиною случиться может, что же тогда говорить о младости? Имея впереди век долгий, ей с куда большими превратностями суждено столкнуться! Перстень же сей убережет тебя от беды и охранит, когда наступит година судная, а должен я тебе сказать, что година эта уже грядет в Дикое Поле.

Наступило молчание; слышно было только попыхивание костра и конское фырканье.

Из дальних камышей донесся тоскливый волчий вой. Внезапно Абданк сказал как бы сам себе:

— Година судная грядет в Дикое Поле, а когда нагрянет, *задивиться весь світ божий...*

Наместник, озадаченный словами странного мужа, машинально взял перстень.

Абданк же устремил взгляд в степную темную даль, потом не спеша повернулся и сел на коня. Молодцы ждали его у подножия.

— В путь! В путь!.. Оставайся в здравии, друже-жолнер! — сказал он наместнику. — Времена теперь такие, что брат брату не доверяет, оттого ты и не знаешь, кого спас; я ведь имени своего тебе не сказал.

- Ваша милость не Абданк, значит?
- Это мой герб...
- А имя?
- Богдан Зиновий Хмельницкий.

Сказавши это, он съехал по склону. За ним двинулись и молдцы. Вскоре сокрыла их тьма и ночь. И лишь когда отдалились они этак на полверсты, ветер принес к костру слова казацкой песни:

Ой, визволи, Боже, нас всіх, бідних невільників,
З тяжкой неволі,
З віри басурманської —
На яснії зорі,
На тихії води,
У край веселій,
У мир хрещений. —
Вислухай, Боже, у просьбах наших,
У нещасних молитвах,
Нас, бідних нивільників.

Голоса помалу стихали, а потом слились с ветерком, шелестевшим в камышах.

ГЛАВА II

Прибыв утром следующего дня в Чигирин, пан Скшетуский стал на постой в доме князя Иеремии, где имел достаточно времени дать людям и коням отдохнуть и отдышаться после долгого из Крыма путешествия, которое по причине высокой воды и необычайно быстрого днепровского течения пришлось проделать по суше, поскольку ни один байдак не мог в ту зиму проплыть вверх по Днепру. Сам Скшетуский сперва тоже малость отдохнул, а потом отправился к пану Зацвильховскому, бывшему комиссару Речи Посполитой, старому солдату, который, не служа у князя, был тем не менее княжеским наперсником и другом. Наместник намеревался разузнать, не поступало ли из Лубен каких распоряжений. Князь, однако, никаких особых распоряжений не оставлял, а просто велел Скшетускому, в случае если ханский ответ будет благоприят-

Сенкевич Г.

С 31 Огнем и мечом : роман / Генрик Сенкевич ; пер. с пол. А. Эппеля, К. Старосельской. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2019. — 896 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-16693-6

Классик польской литературы, почетный академик Петербургской академии наук, Генрик Сенкевич был блистательным историческим романистом. Подобно Гюго, Дюма, Толстому, он сумел описать великие события минувших эпох, уделив внимание и личности человека — творца этих событий. В 1905 году Сенкевичу была присуждена Нобелевская премия по литературе с формулировкой «За выдающиеся заслуги в области эпоса».

Роман «Огнем и мечом» рассказывает о драматических событиях XVII века, происходивших на Украине, в годы всенародного восстания под началом Богдана Хмельницкого, которое привело к воссоединению Украины и России. Это увлекательный рассказ о суровых временах, о смелых людях, ярких характерах, исключительных судьбах.

В настоящем издании впервые в России текст романа сопровождается блестящими иллюстрациями чешского художника Венцеслава Черны.

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)-44

Литературно-художественное издание

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ
ОГНЕМ И МЕЧОМ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова, Валерия Макарова
Корректоры Наталья Бобкова, Ирина Киселева

Подписано в печать 19.06.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 56. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-ILN-25162-01-R